

МНОГИЕ до сих пор помнят его студенческие спектакли — оригинальные, лаконичные, яркие. Кидиашивили, Важа Пшавела, Миллер. Театр виделся ему не «местечком, где фабрикуют мечты», не салоном, куда приходят дополнять сытный обед вечерней дозой эстетики, не «бомондом» для снобов, а широкой ареной, трибуной борьбы за души, храмом, в котором светом истинного вдохновения освещается пьеса — складок жизни и протягиваются незримые нити, связывающие настороженно-молчаливую темноту зрительного зала с яркостью освещенной сцены, создается искусство-сопереживание, искусство-открытие. В каждую поставленную пьесу молодой режиссер вкладывал частичку сердца, временами ошибаясь, временами опережая время, находя новые формы, новые решения.

Если вам доведется побывать в тихом старинном Телави, вы, конечно, восхититесь величественной простотой царского дворца, суровой строгостью крепостной стены и церковью, рубленовским буйством красок базара, ажурной воздушностью висячих балкончиков деревянных домов, величавостью сторожевых башен. Но, чтобы дополнить впечатление о городе, сходите вечером в театр, потому что еще со времен Ираклия II театр всегда был обязательным и важным атрибутом города.

Я тоже пошла в театр и открыла для себя в нем людей, создающих настоящее искусство. В их числе — Лери Паксашвили, главный режиссер Телавского театра. О нем этот рассказ.

ШИРОКАЯ АРЕНА

ВОЗГЛАВИВ Махарадзевский театр, Лери Паксашвили вернул зрителя в театр, потому что зритель отлично ощущает пульс творческой жизни и очень быстро на него реагирует, потому что режиссер неустанно ищет контактов с зрительным залом. Перелом наступил после «Дамы с камелиями». Он не декорировал сцену, не преобразовывал ее, а использовал как место для полного раскрытия созданного им цельного пластического образа, предельно точно выражая идею пьесы, идею плана спектакля, концентрируя внимание на внутреннем мире героини Дюма. Этот спектакль был очень простым в своих изобразительных средствах.

В этом спектакле произошел тот синтез, без которого невозможен настоящий спектакль, — синтез творческих возможностей режиссера, актеров, художника.

Ассоциативным образом другого спектакля, ключом пьесы «Девочка с ленточ-

кой» Н. Периалиса в постановке Л. Паксашвили явился известный шедевр Пикассо «Розового периода» — «Девочка на шаре». Хрупкое, напряженно изогнувшееся в балансе тело девочки, контрастирующее тяжелой устойчивости и силе атлета, подсказало правильную мысль к транскрипции образов и мизансцен пьесы греческого драматурга, близкой каждому своей человечностью, теплотой, поисками героев мечты. Пусть маленькой, но прекрасной.

Режиссер поставил «Девочку с ленточкой» как грустную сказку, вновь интенсивно вводя цвет в общую палитру спектакля. Рассказывая о незатейливых мечтах греческих бедняков, их трагедиях, создавая национальный колорит точными емкими штрихами (зыбкая рыбацкая сеть на пристани, строгий 12-метровый станок, пластика антики в массовых танцах), он поставил вместе с тем грузинский спектакль. Замечательный народный

певец Артем Эрикомашвили восстановил для него старинный свадебный псалм «Султатана», сама же свадьба Вапаса и девочки была решена в мужественно-тревожном ритме хоруми, и словно оживали прекрасные греческие статуи, дышало время. Спектакль кончался значительно и красиво, как и античные трагедии Греции. Атлет Вапаса поднимал девочку высоко, высоко на руки и нес ее к людям, застывшим в молчаливой скорби под повторяющийся рефрен стари-

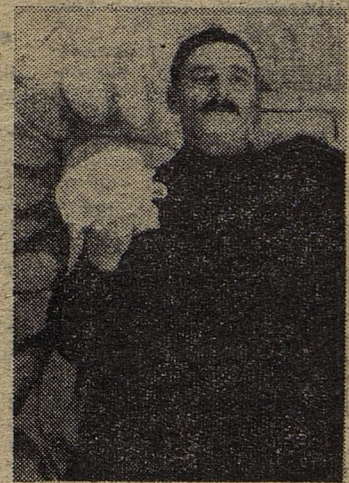
ка: — Зачем убили! Зачем убили человека, зачем погубили мечту? — Этим вопросом, брошенным в зал, завершалась грустная история, рассказанная театром. И страстный призыв к справедливости, обращенный к людям, был настолько велик, что махарадзевцев с этим спектаклем пригласили на гастроли в Марджановский театр. Так пришел успех в столице.

РАБОТА с актерами — пробный камень искусства режиссера. И если верно, что «режиссер умирает в актере», верно и другое — режиссер может особенно интересно и полно ожить, раскрыться — тоже в актере. Л. Паксашвили всегда верил в ту «синюю птицу», которую должен нести в себе каждый человек. И главным в его спектаклях были сначала люди, а затем решение пространства, их окружающего. Поэтому стало закономерным, что он «случайно» открыл в гриме А. Кадеишвили своего Вапаса, в малоприметной

статистке Севастопольского драматического театра имени А. В. Луначарского Танее Гензель — Стрекозу.

Впрочем, немного подробнее о спектакле в Севастопольском театре. Когда Паксашвили приехал в 1966 году в Севастополь для постановки веселой комедии М. Бараташвили, первый вопрос труппы режиссеру был следующий: «А вы нам акцент дадите?». Каково же было удивление актеров, когда не последовало ни акцента, ни гор, ни чересок, ни кипкалов — ни какой псевдоэкзотики. Режиссер искал характерное не в этнографизме, а во внутренней характеристике.

С Таней Гензель, которую впервые открыл в этом спектакле Паксашвили, мне довелось познакомиться в Иркутске. Теперь Тая — одна из ведущих актрис те-

Заслуженный артист республики Г. Купатадзе в спектакле «Этим Гурджи».

атра «Скоморох», и своей актерской судьбой она обязана Лери.

ЗА ТРИ года работы в Махарадзевском и Телавском театрах Л. Паксашвили поставил свыше двадцати спектаклей. «Этим Гурджи» О. Мампория — спектакль поэтический, спектакль возвышенный и грустный. Пьеса посвящена последнему ашугу Тбилиси, и Тбилиси такой же герой спектакля, как и основные персонажи. Тбилисская кладка «рыбья кость» двухэтажного традиционного дома с балконом (худ. Т. Гоцадзе), духан, пиромановские натюрморты, винный погреб купца Бектабегова, колоритные сценки старого города, журначи, кино, полицейские и дамы, как ожившие картинки былого, воссоздают колорит времени поэта.

Последний спектакль режиссера — «Апракуне» И. Вакели — совсем другого характера. Это спектакль злой, сатирический, хлесткий, без тени лирики. Режиссер уходит от факта к обобщению. Поэтому «Апракуне» — это высмеивание не только перегибов хозяйчика районного масштаба, а глупости, облаченной властью самоуправства вообще.

БЫТЬ режиссером трудно. Нужно много знать, тонко чувствовать, видеть и уметь показать увиденное. Быть режиссером в провинциальном театре — трудно вдвойне. Впрочем, искусство никогда не было легким делом.

И. МУХРАНЕЛИ.
Телави.